

К 90-летию со дня рождения Сергея Есенина

Время не властно над поэзией Есенина. Как не властно оно и над самим его обликом — навсегда Есенин остался молодым в памяти народной. Ушли в прошлое многие события, волновавшие поэта, изменилась реальность, питавшая его стихи. Но каждое новое поколение открывает для себя в Есенине нечто близкое и дорогое, потому что его поэзия рождена любовью к человеку.

«Вижу мощь я родной стороны...»

Черная, потом пропахшая
выть!
Как мне тебя не ласкать,
не любить?
Выйду на озеро в синюю
гать,
К сердцу вечерняя льнет
благодать.
Серым веретем стоят
шалаша,
Глухо балокают хлопья
камышу.
Красный костер окропил
таганы,
В хворосте белые веки
луны.
Тихо, на короточках, в
пятках зари
Слушают сказ старика
косари.

Где-то вдали, на кукаре
реки,
Дремную песню поют
рыбаки.
Оловом светится лужная
галь...
Грустная песня, ты —
русская боль.
*** 1914.
Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных
равнин, —
Вот что видел я в резвую
юность,
Что, любя,
проклинал не один.
По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я

теперь бы,
Чтоб мне слушать
ее привелось.
Равнодушен я стал
к лачугам,
И очажный огонь
мне не мил,
Даже яблонь
весеннюю евогу
Я за бедность
полей разлюбил.
Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной
стороны.
Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть

больно
И березам и тополям.
Я не знаю, что будет
со мною...
Может, в новую жизнь
не гоюсь,
Но и все же хочу
я стальную
Видеть бедную,
нищую Русь.
И, вникая моторному лаю
В сонме вьюг,
в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь
не желаю
Слушать песню
тележных колес.
1925.

Максим Горький мечтал написать о поэте Нечто дерзкое и фантастическое

Об отношениях М. Горького и С. Есенина написано немного. А между тем этих, пожалуй, наиболее талантливых писателей, вышедших из простого, как говорили в старину, народа, связывала многолетняя дружба. Они много раз встречались. Горький часто упоминал о Есенине в переписке с советскими и зарубежными литераторами и в 1926 году создал выдающийся по силе художественной правды литературный портрет Сергея Есенина.

Горький, по словам А. К. Воронского, обладавший «ощущением веса эпохи», сумел угадать в поэте человека, «созданного природой исключительно для поэзии, для выражения нестерпимой «печали полей», «любви ко всему живому в мире».

Личное знакомство Горького с Есениным состоялось осенью 1915 года в Петербурге. Алексей Максимович запомнил и описал в своем очерке-портрете «Сергей Есенин» ту встречу. (В очерке указана даже улица, по которой шли вторым — Горький, Клюев, Есенин, — Басейная). На этой улице в Петербурге находилась редакция «Ежемесячного журнала» (там как раз и выступал Есенин вместе с Клюевым) и «Общественный театр» П. Гайдебурова, где бывали и Есенин, и Горький.

От первых встреч с Есениным у Горького осталось, по его словам, «нейтральное впечатление». Сдержанной была горьковская оценка и есенинских ранних произведений. «Слушал я, как читал он хорошие, простенькие и наивные стихи свои, и, помню, задумался: где ж и как будет жить этот херувим?»

Мимолетные встречи Горького с Есениным в литературных салонах северной столицы в 1916—1917 годах не сблизили писателей. Хотя творческие отношения между ними продолжались.

В начале 1916 года вышел в свет первый есенинский поэтический сборник «Радуница». Получив от издателя пятьдесят экземпляров книги, Сергей Есенин половину раздал. Вручил он «Радуницу» и М. Горькому. Надпись была заветливой: «Максиму Горькому — писателю земли и челове-

привучающие в восприятии Горького «с такой искренней любовью», навсегда запали в душу Алексея Максимовича. Они окончательно разрушили незримую преграду недоверия и неопытности, которая долго мешала их сближению. Через несколько дней после встречи Есенин подарил Горькому отдельное издание драматической поэмы «Пугачев» с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу от любящего Есенина. 1922 май 17 Берлин». Эта книга, как и «Радуница», хранится по сей день в личной библиотеке Горького в Доме-музее писателя в Москве.

Сохранилось единственное письмо, написанное Есениным 3 июля 1925 года Горькому. Поэт писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

Помню о Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много. В словах, и особенно письменных, можно сказать, очень мало. Писать не искусство и не творчество.

Я все читал, что Вы прислали Воронскому. Скажу Вам только одно, что аса Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого. Посылаю Вам все стихи, которые написал за последнее время. И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой на Ясной Поляне. Желаю Вам много здоровья, сообщаю что все мы следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас
Сергей Есенин».

Ни письмо, ни стихи, однако, не были посланы. Лишь спустя год Софья Андреевна Толстая-Есенина сняла с письма копию и отправила вместе с поэтическими сборниками Есенина А. М. Горькому в Сорренто. Известно свидетельство сестры поэта — Е. А. Есениной о письме Горького, обращенном к Сергею Есенину (не сохранилось), в котором Алексей Максимович приглашал поэта приехать к нему в Италию. И Есенин собирался поехать, как свидетельствует о том его близкий друг поэт Василий Наседкин в своих воспоминаниях «Последний год Есенина».

Самоубийство Есенина потрясло Горького. «Мы потеряли великого русского поэта», — писал Горький бельгийскому литератору Ф. Элленсу 7 февраля 1926 года. И затем неоп-

В одном из ближайших номеров журнала «Советский музей» будут опубликованы почти два десятка редчайших фотографий из фондов Государственного Литературного музея — своеобразная летопись жизни и творчества Сергея Есенина. Эта фотография — одна из них, сделанная в Париже в 1922 г. во время заграничной поездки поэта.

«Никакая родина другая...»

Спит ковыль.
Равнина дорогая,
И свиной свежести
полюсь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою
теплость.

Знать, у всех у нас такая
участь,
И, пожалуй, всякого
спроси —
Радуясь, свирепстею
и мучаюсь,

Свет луны, таинственный
и длинный,
Плачут вербы,
шепчут тополя.
Но никто под окрик
журавлиный
Не разлюбил отчие поля.

И теперь, когда вот
новым светом
И моей коснулось
жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом

По ночам, прижавшись
к изголовью,
Вижу я, как сильною врага,
Как чужая юность
брызжет новью
На мои поляны и луга.
Но и все же, новью той
геснимый,
Я могу прочувственно
пропеть:
Дайте мне на родине
любимой,
Все любя, спокойно
умереть!
1925.

Юрий Прокушев

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Золотая Песенная слава

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Сергей Есенин, 1921 г.

Легенды, легенды, легенды...
Сколько рождается их в мире. Одни умирают бесследно и бесследно. Другие народ свято веками хранит в памяти.

В них — мудрость жизни, истина истории, сокровенные народные мечты. Такие легенды, словно сказочная «живая вода», извечно обогащают духовную жизнь нации, питают фантазией народное творчество, озаряют романтической мечтой классическое искусство, особенно поэзию! Они усиливают в литературе нравственное начало, чувство Родины. Заметим, однако, что порой возникают и «легенды», вернее, по меткому выражению Лескова, «лыгенды». Они способны затуманить свет истины полуправдой, а то и того хуже — убить ее «красивой» ложью.

Сколько таких «легенд» и «лыгенд» возникло и гасло вокруг Есенина в разные годы. Судьба поэта здесь на редкость характерна и поучительна.

Легендарно стремительное вхождение, а точнее, дерзкое вторжение двадцатилетнего рязанского поэта в большую русскую поэзию. Три издания первой книги поэта «Радуница». Почти невероятный случай... Легендарны его звонкое, золотое песенное слово, его «красногрудый жеребенок», его «страна березового ситца». Легендарна его верность России, пронзение ее «стального» будущего и космическое завтра всего человечества...

Наконец, надо ли говорить подробно, сколь легендарна воинственная всенародная любовь к Есенину. Она испытана, проверена Временем. Из не смогли загасить в людских сердцах ни годы забвения памяти Есенина, замалчивание имени, стихов поэта, ни многочисленные «лыгенды» о певце «патриархальной» Руси, якобы «бесечно» относящемуся к своему таланту, да к тому же личности «хулиганствующей», «необразованной». Самая бесчестная из них — троцкистская — о том, что Есенин будто бы был «чужд», «несроден» Октябрьской революции, не понял и не принял ее «будней». В этом, дескать, состояла его «непоправимая» драма и трагедия.

Потребовалось не одно десятилетие, прежде чем большинство подобных «лыгенд» и «концепций» о Есенине были преданы забвению и навсегда канули в небытие. Переломными для судьбы Есенина стали пятидесятые — шестидесятые годы. Конечно, все и тогда было не так просто. Память хранит не одну поучительную историю, связанную с утверждением Есенина в отечественной культуре как великого поэта России. В наши дни почти невозможно представить, особенно тем, кто помоложе, что еще двадцать—тридцать лет тому назад надо было настойчиво доказывать, убеждать и отстаивать правомерность, по отношению к Есенину, слов «великий поэт».

Ныне мы справедливо говорим о Сергее Есенине как гениальном поэте XX века.

Но что было, то было. Память о прошлом, сколь она порою и ни горька, жизненно необходима для настоящего и будущего. Наибольшее количество «белых пятен» и «лыгенд» долгое время было связано с «деревенским детством» и юностью Есенина в родном рязанском крае. Из тридцати лет жизни поэта первые семнадцать прошли здесь. Однако так случилось, что вплоть до середины пятидесятых годов мы, к сожалению, очень мало знали правды о становлении Есенина как личности, особенно в юности, о раннем пробуждении его «творческих дум», народных, глубинных истоках его поэзии. Многие вопросы, касающиеся судьбы поэта в отроческие и юношеские годы, по существу оставались без ответа.

Трудно, а вернее, почти невозможно понять до конца поэта, движение его души, рождение его стихов, наконец, его судьбу, не побывав хотя бы раз на той священной земле, откуда берет начало его жизнь, его приход в мир; земле, которая с первых сознательных его шагов и до смерти будет наполнять его сердце неугасимой любовью к Отечеству.

Константиново — родное село поэта — пришло раскинулось по правому высокому холмистому берегу Оки, многоводной сестры великой Волги. Вот уже более полувека, как в любую погоду, летом и зимой, идут и едут люди в Константиново со всех концов света, чтобы низко поклониться древней ря-

Теперь здесь создается государственный литературно-мемориальный заповедник Есенина. Есть уже его генеральный план, работает мемориальный и литературный музей поэта в Константинове, там же есть выставочный зал, восстановлена (частично) константиновская церковь — памятник архитектуры XVIII века, готовится к открытию музей Есенина в Спас-Клепиках, где поэт в юности провел три года своей жизни, возрождаются другие памятные есенинские места на рязанской земле. А ведь совсем недавно, каких-нибудь двадцать—двадцать пять лет, об этом лишь можно было только мечтать...

Шли годы. Шла борьба со старыми «легендами» и представлениями о поэте. Все больше издавалось произведений Есенина. Стали выходить книги о жизни, творчестве поэта. Все полнее вставал перед народом подлинный образ великого сына России. Наконец, наступили долгожданные дни: на родине Есенина, в Константинове, был открыт первый в стране мемориальный музей поэта. Правда, в начале на правах скромного филиала областного краеведческого музея. И при всем том, какая это была радость, какой светлый праздник души. Музеем становилась усадьба и дом Есениных, где в прошлом многим, в том числе и автору этих строк, не однажды довелось счастливо почувствовать гостеприимство радужных «хозяев» «золотой бревенчатой избы», сестер поэта — Екатерины Александровны и Александры Александровны. Разве можно забыть сердечные встречи, живые, горячие беседы с ними, совместные многолетние хлопоты по созданию музея их брата, поезда в Рязань, Спас-Клепики. Как истинно русские женщины, они — сестры поэта — были мудры, сочувливы, терпеливы, и все, что они скромно имели, все, что могли, отдавали памяти брата. В канун открытия музея в Константинове они вместе со своими близкими трогательно, взволнованно «прощались» с домом, который построил их отец — Александр Никитич Есенин, где долгие годы провела их мать — Татьяна Федоровна. Теперь родовой есенинский очаг будет радужно принимать посетителей.

Да! Как справедливо однажды заметил Александр Блок, гений всегда народен. В поисках истины он может заблудиться — ошибаться, отрицать самого себя, уничтожать свои рукописи, как это делал далеко не один великий Гоголь. Гений не может одного: изменить своей Родине, своему народу, даже в самые драматические и трагические дни. Историей рода Человеческого, равно как и своим народом, на него каждый раз возлагается священная миссия: быть соестем и пророком своего времени, врачевателем народной души.

Судьба гениального поэта России — Сергея Есенина — блистательное тому подтверждение. В самые трудные для революционной России дни, в самые драматические часы жизни поэта, когда, казалось, невозможно найти ответа на мучительный вопрос: «Куда несет нас рок событий?» — главная роль, главная дума Есенина о судьбе Родины: «Россия! Сердцу милый край! Душа сжимается от боли. Уж сколько лет не слышит поле пегуше пенье, песей лай». Преодолевая голод, холод, разруху, разгромив белогвардейщину и интервентов, Россия выстояла и победила в революции. Правда революция становится правдой поэта: «Но Россия... вот это глыба... Лишь бы только Советская власть!»

Мировое значение Есенина, действительная сила его народной поэзии определяются прежде всего тем, что он сумел повянуть, осмыслить философию и раскрыть художественно величайшее историческое значение Октябрьской революции, проложившей народам мира путь к духовному возрождению Человека. Одним из первых в мировой поэзии именно Есенин рассказал об исторически закономерном пути крестьянства к пролетарской революции.

Есенин — наш живой современник. За последние четверть века шесть раз, «космическими» для поэзии тиражами, от пятисот тысяч до двух миллионов, выпускались собрания сочинений поэта. Добавим к этому сотни отдельных изданий поэта в нашей стране и за рубежом. Приобрести эти издания, как правило, бывает почти невозможно. Расходится они обычно в считанные дни.

Время, народ — самый строгий, объективный судья. Ныне окончательно канули в небытие всякого рода «лыгенды» и «романы без начала». Победила правда жизни поэзии Сергея Есенина, ее родниковая нравственная чистота, ее любовь и работа, ее любовь и вер-

нием веса эпохи», сумел угадать в поэте человека, «созданного природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», «любви ко всему живому в мире».

Личное знакомство Горького с Есениным состоялось осенью 1915 года в Петербурге. Алексей Максимович запомнил и описал в своем очерке-портрете «Сергей Есенин» ту встречу. (В очерке указана даже улица, по которой шли вторым — Горький, Клюев, Есенин, — Бассейная). На этой улице в Петербурге находилась редакция «Ежемесячного журнала» (там как раз и выступал Есенин вместе с Клюевым) и «Общедоступный театр» П. Гайдебурова, где бывали и Есенин, и Горький.

От первых встреч с Есениным у Горького осталось, по его словам, «нейтрое впечатление». Сдержанной была горьковская оценка и есенинских ранних произведений. «Слушал я, как читал он хорошие, простенькие и наивные стихи свои, и, помню, задумался: где ж и как будет жить этот херувим?»

Мимолетные встречи Горького с Есениным в литературных салонах северной столицы в 1916—1917 годах не сблизили писателей. Хотя творческие отношения между ними продолжались.

В начале 1916 года вышел в свет первый есенинский поэтический сборник «Радунца». Получив от издателя пятьдесят экземпляров книги, Сергей Есенин половину раздарил. Вручил он «Радунцу» и М. Горькому. Надпись была заветливой: «Максиму Горькому, писателю земли и человека от бабника соломённых сучьев Сергея Есенина на добрую память. 1916 г. 10 февр. Цг.»

В тот февральский день Есенин вместе с Клюевым читал свои стихи на собрании литературного кружка в помещении императорского женского педагогического института. Возможно, что и сборник подарен на этом собрании, и надпись сделана там же.

К весне 1922 года М. Горький увидел, что того давнего, «того самого нарочито картинного одетого мальчика» литературной петербургской эпохи Гишпиус и Мережковских, оказывающегося, нет. От бывшего времени остались только очень ясные глаза, скользкие по лицам незнакомых людей и помыслы и с недоверием. А помыслы были «размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи», написанные «своеобразно талантливым и законченным русским поэтом». Перед Горьким предстал новый Есенин.

Встреча в Берлине заново открыла их друг другу, сблизив, выявив художнические родство «по крови». Строки «Пугачева» и «Песни о собаке»,

линее Горького в доме-музее писателя в Москве.

Сохранилось единственное письмо, написанное Есениным 3 июля 1925 года Горькому. Поэт писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

Помню о Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много. В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Писать я не искусство и не творчество.

Я все читал, что Вы присылали Воронскому. Скану Вам тол-ко одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Вы — здоровые. Оно нам очень дорого. Посылаю Вам все стихи, которые написал за последнее время. И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой на Ясной Поляне. Желаю Вам много здоровья, сообщаю что все мы следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас
Сергей Есенин.

Ни письмо, ни стихи, однако, не были посланы. Лишь спустя год Софья Андреевна Толстая-Есенина сняла с письма конию и отправила вместе с поэтическими сборниками Есенина А. М. Горькому в Сорренто. Известно свидетельство сестры поэта — Е. А. Есениной о письме Горького, обращенного к Сергею Есенину (не сохранилось), в котором Алексей Максимович приглашал поэта приехать к нему в Италию. И Есенин собирался поехать, как свидетельствует о том его близкий друг поэт Василий Наседкин в своих воспоминаниях «Последний год Есенина».

Самобытность Есенина потрясла Горького. «Мы потеряли великого русского поэта», — писал Горький бельгийскому литератору Ф. Элленсу 7 февраля 1926 года. И затем неоднократно возвращался к теме есенинской смерти в самых разных письмах и выступлениях.

В июне 1926 года С. А. Толстая-Есенина обратилась к А. М. Горькому с просьбой написать воспоминания о Сергее Есенине. Но еще за полгода до ее просьбы Горький сам задумал сделать книгу о жизни Есенина. В письме к В. М. Ходасевичу от 25 февраля 1926 года он просил прислать ему список стихов, написанных Есениным Айседоре Дункан, и далее сообщал, что после окончания романа «Жизнь Клима Самгина» попробует написать повесть о поэте, о гибели поэта — по словам Горького, «что очень дерзкое и фантастическое».

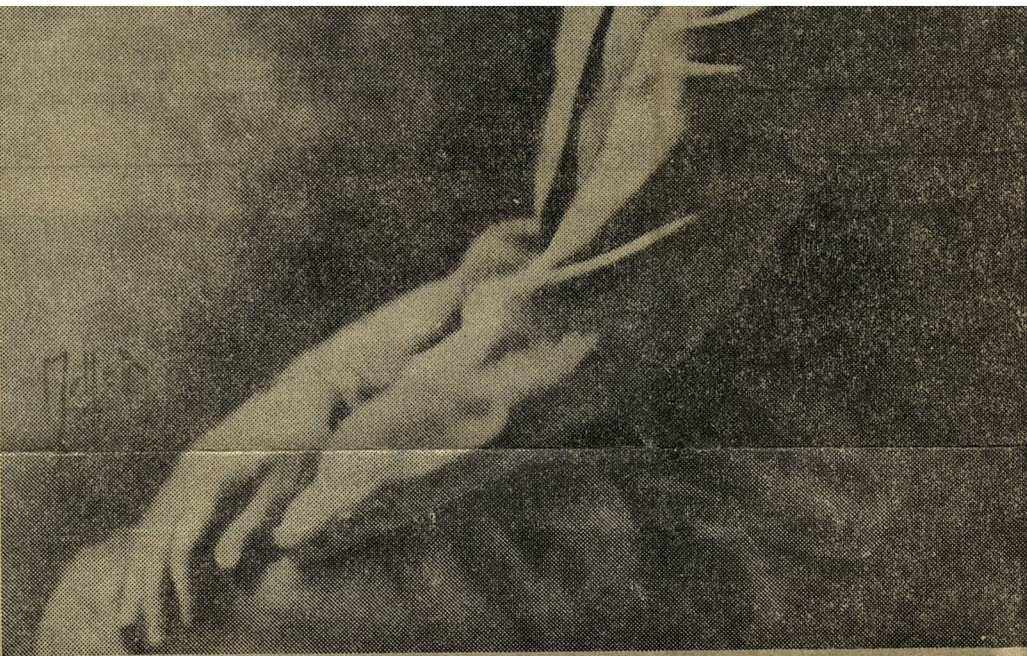
...Замысел М. Горького о большей работе так и остался замыслом. Семь страниц очерка-портрета, написанных Горьким о поэте, стали для нас и явным конкретным горьковским размышлением о С. Есенине, и литературным предположением того, будущего, несостоявшегося романа о певце России.

Алексей КАЗАКОВ.

«О красном вечере...»

О красном вечере
задумалась дорога,
Кусты рябин туманней
глубины.
Изба-старуха челюстью
порога
Жует пахучий
мякиш тишины.
Осенний холод ласково
и кротко
Крадется мелкой
к осязному двору;
Сквозь синь стекла
желтоволосый отрок
Лучит глаза
на галочью игру.
Обняв грубу,
сверкает по повети
Золотая
из розовой печи.
Кого-то нет,

и тонкозубый ветер
О ком-то шепчет,
сгинувшем в ночи.
Кому-то пятками
уже не мять по роцам
Щербленый лист
и золотой травы.
Тагуний вздох,
ныряя звоном тощим,
Целует клюв
нахохленной совы.
Все гуще хмарь,
в хлеву покой и дрема,
Дорога белая
узурит скользкий ров...
И нежно охват
ячменная солома,
Свисая с губ
кивающих коров.
1916.

В одном из ближайших номеров журнала «Советский музей» будут опубликованы почти два десятка редчайших фотографий из фондов Государственного Литературного музея — своеобразная летопись жизни и творчества Сергея Есенина. Эта фотография — одна из них, сделанная в Париже в 1922 г. во время заграничной поездки поэта.

«Никакая родина другая...»

Спит ковыль.
Равнина дорогая,
И свинцовою свежести
полюнь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою
теплень.
Знать, у всех у нас такая
участь,
И, пожалуй, всякого
спроси —
Радуюсь, свирепствую
и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свег луны, таинственный
и длинный,
Плачут вербы,
шепчут тополя.
Но кикто под окрик
журавлиный
Не разлюбит отчие поля.
И теперь, когда вот
новым светом
И моей коснулась
жизнь судьбы,
Все равно осталась я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись
к изголовью,
Вижу я, как сильною врага,
Как чужая юность
брызжет новью
на мои поляны и луга.
Но и все же, новью той
гесимый,
Я могу прочувствовать
пропеть.
Дайте мне на родине
любимой,
Все любя, спокойно
умереть!
1925.

Георгий Сорокин

Строки — музыке сродни

Талант Есенина расцветал в те годы, когда толпа были авторские выступления: поэтов в театрах и кафе, рабочих клубов и прямо на улицах. А находил ли сегодня его стихи слушатели? С какими проблемами приходится сталкиваться актерам-актерам? Об этом мы беседовали с известным исполнителем русской и советской поэзии народным артистом РСФСР Георгием СОРОКИНЫМ.

— Так уж случилось, — говорит Георгий Васильевич, — что мы как бы заново «открыли» Есенина в середине пятидесятых годов. Естественно, интерес к нему сразу резко возрос. Если быть совсем точным, то это был не интерес даже, а самый настоящий ажиотаж, который нес в себе не только хорошее, но и плохое (потом объясню, почему) и продолжался даже в семидесятые годы.

Вот факт: именно с есенин-ской программой мне впервые предложили выступить в московском киноконцертном зале «Октябрь», где более двух тысяч мест. Сейчас я играю там моноспектакли по Булгакову, Цветаевой — но это сейчас. А тогда я засомневался. «Театр одного актера» предполагает глубокое сопереживание слушателей — смогу ли наладить контакт с такой огромной аудиторией? Да и соберутся ли люди?

Боясь провала, я договорился выступать вместе с симфоническим оркестром, который должен был «создать атмосферу» музыки Рахманинова, Глазунова, Аренского. Зал оказался полон, восприятие (артист чувствует дыхание зала) было тонким. Стихи Есенина родственны с музыкой, оркестр делал их масштабнее — и при этом не в ущерб интим-

ности. Но договариваться с оркестром каждый раз было мучительно трудно. Тогда я попытался, как и прежде, выступать с пианистом — и, как мне кажется, не проиграл. К сожалению, сегодня такого зала на Есенина, пожалуй, уже не собрать. Хотя теперь уж я уверен, что читаю для истинных ценителей.

— А почему все-таки нельзя собрать та-ой большой зал?

— В ажиотаже было много наивного. Появились любители «попутчики». Когда я начал в 1956 году играть есенин-ский спектакль («Анна Снегина», «Черный человек», «Персидские мотивы», позднее добавились «Пугачев», отдельные стихи, воспоминания, главы из «Страны негедаяев»), за кулисы почти каждый вечер, бия себя в грудь и уминаясь слезами, приходили весьма странные типы. Из Есенина они знали по два-три стихотворения, но при этом доказывали хриплыми голосами, что он как будто загнугнул в их «мятущиеся души». Теперь эти «поклонники» отпали.

Другие на гребне все того же ажиотажа «перемахнули» через все серьезное в Есенине, не заметив ни глубины его, ни драматизма. Распространились представления о Есенине как о каком-то лубочном поэте со слащавой улыбочкой и непреходящей умиленностью. Конечно, лубочные взгляды на Есенина бывали и прежде. Недаром еще Маяковский вынужден был подчеркивать, что Есенин — драматический поэт, а не «сахарный барашек». Но именно в последнее время лубочность, как лаком для кре-

пости, покрылась хрестоматийным глянцем. Я бы так сказал: глянцем незнания... А в итоге — как реакция — выросли этакие эстетствующие воззрения: «Что такое Есенин? Он же примитивен! Вот Пастернак, Мандельштам, Цветаева — это поэты!» Да, это действительно прекрасные поэты — кто будет спорить? Но зачем противопоставлять их Есенину? Признаться, мне жаль таких «эстетов». Ведь в основной массе это те, кто просто никогда не читал Есенина всерьез.

— Георгий Васильевич, а вам сразу удалось найти «верный тон», понять, как надо читать Есенина?

— Нет, не сразу, а только лет через десять после премьеры программы. И публика приняла вроде бы неплохо, но от какого-то внутреннего несогласия с самим собой никак не мог избавиться.

Главная особенность «театра одного актера», как я определяю, в том, что на сцене постоянно, незримо должен присутствовать автор, поэт. Но это не значит, что я стараюсь копировать есенинскую манеру исполнения. Когда я впервые случайно услышал по радио, как Есенин читает Хлопушу, то был потрясен: кто это? Я не знал тогда, что это читает сам Есенин. Такая мощь, душевный надрыв, незащищенная открытость были в этом голосе... Повторять, копировать такое, конечно, невозможно. Да и не нужно. Мне важно выразить душу автора через его стихи.

— Раньше вы целиком исполняли есенинского «Пугаче-

булто бы был «чужд», «несроден» Октябрьской революции, не понял и не принял ее «будней». В этом, дескать, состояла его «непоправимая» «драма» и «трагедия».

Потребовалось не одно десятилетие, прежде чем большинство подобных «лыгенов» и «кондепий» о Есенине были преданы забвению и навсегда канули в небытие. Переломными для судьбы Есенина стали пятидесятые — шестидесятые годы. Конечно, все и тогда было не так просто. Память хранит не одну поучительную историю, связанную с утверждением Есенина в отечественной культуре как великого поэта России. В наши дни почти невозможно представить, особенно тем, кто помоложе, что еще двадцать—тридцать лет тому назад надо было настойчиво доказывать, убеждать и отстаивать правомерность, по отношению к Есенину, слов «великий поэт».

Ныне мы справедливо говорим о Сергее Есенине как гениальном поэте XX века.

Но что было, то было. Память о прошлом, сколь она порою и ни горька, жизненно необходима для настоящего и будущего. Наибольшее количество «белых пятен» и «лыгенов» долгое время было связано с «деревенским детством» и юностью Есенина в родном рязанском крае. Из тридцати лет жизни поэта первые семнадцать прошли здесь. Однако так случилось, что вплоть до середины пятидесятых годов мы, к сожалению, очень мало знали правды о становлении Есенина как личности, особенно в юности, о раннем пробуждении его «творческих дум», народных, глубинных истоках его поэзии. Многие вопросы, касающиеся судьбы поэта в отроческие и юношеские годы по существу оставались без ответа.

Трудно, а вернее, почти невозможно понять до конца поэта, движение его души, рождение его стихов, наконец, его судьбу, не побывав хотя бы раз на той священной земле, откуда берет начало его жизнь, его приход в мир: земле, которая с первых сознательных его шагов и до смерти будет наполнять его сердце неугасимой любовью к Отечеству.

Константиново — родное село поэта — привольно раскинулось по правому высокому холмистому берегу Оки, многоводной сестры великой Волги. Вот уже более полувека, как в любую погоду, летом и зимой, идут и едут люди в Константиново со всех концов света, чтобы низко поклониться древней рязанской земле — Колыбели великого поэта России.

ТЕАТР ПОЭЗИИ

ва», а теперь — лишь в отрывках, да и то редко. С чем это связано? Все с теми же сложностями заполнить большой зал...

— Не только. Для традиционной программы «Пугачев» мал, а объединять его с чем-то не хотелось бы... Но тут мы уже подходим к проблемам «театра одного актера», которые, впрочем, тесно увязаны с проблемами пропаганды поэзии вообще и творчества Есенина в частности. Мы все сейчас думаем о новых формах воспитания, культурного досуга. Так, может быть, стоит открыть специальный «Театр одного актера»?

— Это, очевидно, означает, что Есенин еще недостаточно вскрыт «Театром одного актера». А как считаете вы, исполнитель стихов Есенина и большой поклонник его творчества, о каких еще наших долгах перед поэтом мы можем говорить накануне его юбилея?

— «Белых пятен» еще немало. Мне лично хотелось, чтобы был памятник Есенину в центре Москвы. До сих пор нет музея поэта в столице, о котором он писал в одном из писем: «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва». Сейчас вроде бы общественное мнение склоняется к созданию музея. Но только бы он действительно передавал суть и дух поэта, открывал что-то новое в нем. Это желание не случайное. Меня, например, почему-то не очень волнует музей Маяковского, в котором мемориальная комната затерялась среди огромных залов со всевозможными витринами, стендами из стекла и пластика. Было бы гораздо интереснее попасть в под-

линную атмосферу, в которой жил поэт и умел прорваться сквозь быт к бытию. Хочу верить, что будущий музей Есенина сможет дать начало новым концепциям в нашей музейной работе, что в нем будет вестись живая работа со зрителем, постоянными станут вечера, на которых стихи и песни Есенина звучат в исполнении актеров, поэтов, певцов.

Хорошо, конечно, чтобы и Всесоюзный есенинский праздник поэзии, который впервые будет отмечаться на днях, стал праздником именно поэта. К сожалению, еще случается, что на подобных торжествах речей много, а самого поэта нет. На Есенинском празднике видеть такое было бы тем более грустно, что народная любовь к нему в общем-то не нуждается в особых организационных усилиях. На его могиле на Ваганьковском кладбище всегда много цветов. Стоят люди, и часто кто-то читает вслух есенинские строки. Это — повседневная любовь, которая всего дороже.

И вот еще что интересно. Есенина принято считать чистотой национальным русским поэтом. Но яндре сейчас, пожалуй, так тепло не встречают его стихи, как в Прибалтике. Не раз — и всегда с успехом — читал я Есенина для студентов-иностранцев, изучающих русский язык... По опыту знаю: никого из поэтов (это не зависит от сборов на концерт) не воспринимают на слух так, как Есенина.

Беседу вел
Ю. ГЛАДИЛЬЩИКОВ.

Да! Как справедливо однажды заметил Александр Блок, гений всегда народен. В поисках истины он может заблуждаться — ошибаться, отрицать самого себя, уничтожать свои рукописи, как это делал далеко не один великий Гоголь. Гений не может одного: изменить своей Родине, своему народу, даже в самые драматические и трагические дни. Историей рода Человеческого, равно как и своим народом, на него каждый раз возлагается священная миссия: быть совестью и пророком своего времени, врачом народной души.

Судьба гениального поэта России — Сергея Есенина — блистательное тому подтверждение. В самые трудные для революционной России дни, в самые драматические часы жизни поэта, когда, казалось, невозможно найти ответа на мучительный вопрос: «Куда несет нас рок событий?» — главная боль, главная дума Есенина о судьбе Родины: «Россия! Сердцу милый край! Душа сжимается от боли. Уж сколько лет не слышит поле пегушье пенье, песей лай». Преодолевая голод, холод, разруху, разгромив белогвардейщину и интервентов, Россия выстояла и победила в революции. Правда революции становится правдой поэта: «Но Россия... вот это глыба... Лишь бы только Советская власть!»

Мировое значение Есенина, действительная сила его народной поэзии определяются прежде всего тем, что он сумел понять, осмыслить философию и раскрыть художественно величайшее историческое значение Октябрьской революции, проложившей народам мира путь к духовному возрождению Человека. Одним из первых в мировой поэзии именно Есенин рассказал об исторически закономерном пути крестьянства к пролетарской революции.

Есенин — наш живой современник. За последние четверть века шесть раз, «космическими» для поэзии тиражами, от пятисот тысяч до двух миллионов, выпускались собрания сочинений поэта. Добавим к этому сотни отдельных изданий поэта в нашей стране и за рубежом. Приобрести эти издания, как правило, бывает почти невозможно. Расходятся они обычно в считанные дни.

Время, народ — самый строгий, объективный судья. Ныне окончательно канули в небытие всякого рода «лыгены» и «романы без вранья». Победила правда жизни поэзии Сергея Есенина, ее родниковая нравственная чистота, совестливость и доброта, ее любовь и верность Руси Советской.

«Не забыть мне...»

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя
никогда, —
Слишком были такими
недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес.
Принакрытые сереньким
ситцем
Этих северных бедных
небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы
в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную
русской души.

Полубил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие
дали,
Потому что в просторах
полей
Они сытных хлебов
не видали.

Только видели березы
да цветы,
Да ракитник, кривой
и безлистый,
Да разбойные слышали
свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел
не любить,
Все равно не могу
научиться,
И под этим дешевеньким
ситцем
Ты мила мне, родимая
вьть.

Потому так и днями
недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми
ставнями,
Не забыть мне тебя
никогда.
1924.